

ДОБАВЛЕНИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ (2009 ГОД)

А. М. Вершик

Статья «В. А.Рохлин в Ленинграде (1960-1984)» написана более десяти лет назад, в ней я старался изложить основные события жизни и педагогической деятельности В. А. в Ленинграде и показать, каково было его влияние на научную жизнь города. Разумеется, многие факты не упомянуты, кое-что забыто и, к сожалению, вряд ли все это можно восполнить. Люди, к которым я обращался с предложением написать что-либо, не откликнулись; можно лишь удивляться тому, как низок уровень нашей «историко-научной» культуры: мы не научились запоминать, записывать и передавать следующим поколениям дух и хотя бы описаний событий, свидетелями которых мы были. На наших глазах исчезает память о замечательных семинарах, дискуссиях и спорах, мы теряем важные подробности к портретам больших математиков, научный облик которых отнюдь не сводится к сумме их результатов и списку опубликованных работ. Впрочем, это относится не только к памяти о науке, но и к памяти о нашей жизни вообще.

Здесь пойдет речь только о моих личных воспоминаниях и впечатлениях, дополняющих воспоминания других авторов о В. А., помещенные в этой книге.

1. ЭРГОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

В. А. появился в Ленинграде в сентябре 1960 года. Мы, – я и несколько друзей из нашего домашнего семинара, уже ждали этого события и готовились к нему. Его первый аспирант Л.М.Абрамов уже переехал в Ленинград, и даже защитил кандидатскую диссертацию незадолго до этого в Москве. Это время было расцветом энтропийной теории динамических систем. После знаменитой статьи Колмогорова 1958 года об энтропии как метрическом инварианте преобразований, сохраняющих меру, мало известная и полузабытая эргодическая теория и теория динамических систем вдруг на

Предварительный вариант текста, опубликованного в книге *В.А.Рохлин. Избранные работы. Воспоминания о В.А.Рохлине. Материалы к биографии*. МЦНМО, 2010.

какое-то время стала чуть ли не в центре внимания многих математиков. В. А., один из классиков первых лет ее развития (40- годы), охладел к ней и занимался в 50-х гг. 4-х мерной топологией. Открытие Колмогорова произвело на него сильное впечатление. Полезно объяснить, в чем смысл работы Колмогорова, тем более, что это можно сделать одной фразой. Колмогоров заметил, что шенноновское (1948 г.) количество информации, передаваемое случайным стационарным процессом за единицу времени, есть (при некоторых простых предположениях) метрический инвариант сдвига по времени, как преобразования пространства траекторий случайного процесса. Иначе говоря, если некоторое абстрактное преобразование с инвариантной мерой по-разному реализовывать как сдвиг в пространстве траекторий случайных стационарных процессов, то это число (м.б. и бесконечность) не изменится. В. А. всегда был приверженец идеологии «инвариантности» и учил этому всех учеников. Инвариантность и функториальность всегда было первой его заботой. Часто он отметал разговоры о каких-то, может быть, и деликатных свойствах конкретного объекта, если на самом деле (это могло быть неочевидным) речь шла о функториальных свойствах, вытекавших из категорных определений. «Ведь это "философский" результат,» — говорил он, если кто-то не замечал этого. И наоборот, он не очень интересовался «неинвариантными» характеристиками. Здесь сказывалась его любовь и уважение к алгебре и алгебраическому мышлению; об этом — далее.

Может быть поэтому, а также потому, что шенноновская энтропия и информация были довольно далеки от него (см. в моей статье — о его реакции на высказывание Колмогорова о том, что энтропию должен был придумать В. А., а не он), В. А. был вдохновлен тем, что неожиданно для специалистов Колмогоров открыл столь явный числовой инвариант динамических систем. Уместно вспомнить его высказывание на одной из публичных лекции в 60-х гг. «О моде в математике». В этой лекции В. А. делал обзор работ, точнее, тем работ филдсовских медалистов за все годы (до 1970) и разделил их на «модных» и «немодных». Например, темы Л. Шварца (1950 г. — теория распределений) и К.Рота (1958 г. — теория чисел) он отнес к «немодным», а большинство остальных (Ж-П. Серр, Р. Том, Дж. Милнор, А. Гротендик, С. Смейл) — к «модным». Но потом, подумав, В. А. сказал: «Каждый может сделать свою область модной, просто надо изобрести что-нибудь, вроде колмогоровской энтропии».

Тема диссертации Абрамова, предложенная В. А., первоначально относилась к внутренним проблемам спектральной теории (теория

квазидискретного спектра). Но когда была понята суть открытия А. Н. Колмогорова, В. А. немедленно отреагировал на это событие, и по его же выражению, у него появился энтузиазм и желание вернуться к этой науке. Действительно, он опять стал активно заниматься ею приблизительно в течение десяти следующих лет. В диссертацию Абрамова вошли первые результаты об энтропии (знаменитая «формула Абрамова»), но особенно активную роль в этот бурный период здесь сыграл Я. Г. Синай, которому принадлежит самое простое и общепринятое сейчас определение колмогоровской энтропии, первые вычисления и многое другое. В. А. и Я. Г. даже не были знакомы до этого, — см. воспоминания Синая, — последовавший затем контакт, работа в московском семинаре — сыграли огромную роль в развитии эргодической теории; их работы, в том числе и знаменитые совместные статьи о К-системах, смело можно считать классическими. Энтропийная теория стала центральным предметом эргодического семинара В. А., но, конечно, изучалось и многое другое.

Эргодический семинар начался сразу. Мы на домашнем семинаре уже отчасти подготовились к нему, заранее изучив статью В. А. «Об основных понятиях теории меры» и книги П. Халмоша «Теория меры» и «Лекции по эргодической теории», но мы еще не знали ни энтропии (хотя некоторые из нас слушали его доклад об энтропии на конференции по функциональному анализу в Баку в 1960 г.), ни тонких фактов из спектральной теории, да и из теории меры. Это не помешало сразу составить план работы семинара на весь семестр. Семинар не был похож на те, что я посещал до этого, непохоже было то, как В. А. вел его. Я был тогда еще аспирантом, другие уже кончили аспирантуру или защитили диссертации, приходили иногда и более взрослые слушатели. Атмосфера семинара скорее напоминала урок, который вел опытный, остроумный учитель, уверенный в себе, знавший или догадывавшийся почти обо всем, о чем хотел рассказать докладчик, позволявший ученикам некоторые вольности и, конечно, сохраняющий каким-то не очень понятным образом солидную дистанцию между собой и всеми остальными. Эта в лучшем смысле слова профессорская манера поведения была характерна для В. А. во всем и в первую очередь в чтении лекций. Я часто думал, что на старших курсах университета полезно было бы давать уроки лекционного мастерства, чего у нас в заводе нет (как и много другого). Такое обучение можно было бы начать с анализа рохлинских лекций. Важно было все — и как одет (строго, скромно, но эффектно), как держится, двигается, а главное как организует сюжет и интригу того, что читается.

Однажды я спросил одного молодого преподавателя, лекции каких профессоров ему особенно нравились, когда он был студентом. «А у нас был только один профессор — Рохлин», — ответил он.

2. ДРУГИЕ ТЕМЫ

Возвращаясь к рохлинскому появлению в Ленинграде, хочу еще раз повторить то, что я писал в своей статье, — очень многие важные — и старые, и новые области математики не были представлены в нашем городе. Например, комбинаторная, алгебраическая и дифференциальная топологии, алгебраическая геометрия, динамические системы, теория представлений и др. При этом общий уровень ленинградской математики в ее коронных областях, относящихся ко многим разделам теории чисел, алгебры, логики, функционального анализа, дифференциальных уравнений и матфизики, теории функций вещественной и комплексной переменной, геометрии, теории вероятностей, численного анализа — был очень высок. Отсутствие многих новых направлений чувствовалось, особенно молодежью, и В. А. предстояло хотя бы частично этот недостаток исправить. Важно было и то, что он многими личными и научными контактами и своим образованием теснейшим образом был связан с Москвой и московскими математиками. Роль этих связей в дальнейшем трудно переоценить. Наиболее активные ленинградские математики — В.И.Смирнов, Ю.В.Линник, Д.К.Фаддеев, О.А.Ладыженская, и, конечно, ректор — А. Д. Александров, пригласивший официально В. А. поняли это сразу.

Неплохо было бы перечислить курсы и семинары, которые вел В. А. первые годы. Топологический семинар начался несколько позже, так как еще не созрела аудитория и В. А. начал с курса комбинаторной топологии, которого в Ленинграде никто не читал. Среди слушателей были М.Громов, И.Бакельман, и многие другие. Я также слушал этот курс, удивляясь сколь многих из необходимых для любого математика вещей мы не знали. После этого В. А. читал алгебраическую и гладкую топологию, и топологический семинар начал работать в полную силу. Одно время был даже малый топологический семинар, где разбирались статьи, понимание которых не требовало серьезного аппарата. Помню, хотя и не слушал, курсы В. А. «Топологические группы», «Энтропийная теория динамических систем». Особое место занимал созданный В. А. обязательный курс топологии, первый в России. Это особая тема, о которой, надеюсь, еще напишут. Но помимо всего этого некоторые семинары

(например, семинар В.И.Смирнова) просили В. А. устроить краткий ликбез по современной топологии, что он и делал, сетуя, между прочим, на непонятливость и леность аудитории. А количество докладов В. А. в 60-х гг. для широкой аудитории (в ЛГУ и МГУ) — огромно. К сожалению записи их не сохранились. Например, еще до переезда в Ленинград он приезжал в ЛОМИ с тремя лекциями по топологии многообразий. Кто-то сделал их ротапринтную запись, но найти ее сейчас не удалось. Кстати, кажется, в этот приезд (1957 год?) он выступал на семинаре Фихтенгольца-Канторовича с запомнившимся мне докладом о классификации измеримых функций. Через много лет я продолжил работу по этой теме. Самый первый раз я увидел В. А. председательствующим на одном из заседаний конференции по функциональному анализу в Москве в 1956 г. Там состоялась краткая, но поучительная дискуссия М. Г. Крейна и В. А.: комментируя чей-то скучный доклад по функциональному анализу, В. А. осторожно заметил, что методы топологии можно было бы применять в нелинейном функциональном анализе, отчего линейный анализ, который был темой доклада, при этом обогатился бы (т.е. перестал быть тривиальным), на что М. Г. возразил, что в бесконечномерном случае и линейный анализ уже достаточно нетривиален.

3. СУЖДЕНИЯ И ОЦЕНКИ

Свои суждения и оценки в любой обстановке, — в ученом совете, в преподавательской, в частных разговорах, В. А. высказывал веско, спокойно и очень определенно. У собеседников и слушателей создавалось впечатление, что эти оценки давно продуманы, и что их объединяет некоторая единая философия. Если попытаться выразить ее главные положения, то, пожалуй, первое, что их объединяет, это умение посмотреть на события с той высоты, с которой многие вещи, кажущиеся разными, на самом деле одинаковы, что сообщало его оценкам некоторую парадоксальность.

«Ну что вы удивляетесь, что Х. избрали в академию! Да еще кем-то назначили. Вот представьте себе, вы сидите на студенческом семинаре и руководитель говорит, что следующий доклад он поручает сделать Y; а вы думаете, как можно поручать доклад Y, ведь он же дурак, и ничего не понимает. А руководитель на самом деле это прекрасно знает, но не придает этому большого значения, он поручает сделать всего лишь доклад. Так вот так же и с избранием в академию, а в роли руководителя семинара — крупные

академические бонзы». Скептическое отношение ко многим явлениям нашей жизни, конечно, было преобладающим и свойственным его мышлению. Разумеется, советская реальность давала достаточно поводов для самого глубокого скепсиса, но это относилось ко всему, вообще; почти все, что он слышал и видел, проходило в его сознании сначала суровую проверку на истинность. Как-то в конце семидесятых он рассказывал мне о том, как после серьезного сердечного приступа к нему пришел врач и сказал, что, по-видимому, у него второй инфаркт. «Я ему не поверил» — сказал мне В. А. Когда я рассказал об этом эпизоде В.И. Арнольду, он резонно квалифицировал, ответ В. А.: «Сразу видна зековская закваска.». Конечно, априорный скептицизм, действительно вытекавшей из все его жизни, относился также и к тому, что касалось математических разговоров. «Понимаете, после нескольких бесед с начинающим математиком очень скоро складывается отношение к нему и решаешь: либо верить тому, что он утверждает, либо нет». Речь идет здесь не об обмане, а о достоверности. При отборе учеников — студентов и аспирантов — он очень жестко придерживался правила, что оставлять можно только при наличии «математического доверия» к ученику. Быть может, иногда эта жесткость была излишней, но «добреньким» он не был, и заслужить его похвалу было трудно. В. А. любил анализировать математические репутации и часто подмечал существенные, но слишком заметные вещи. «Вот Х, как бы к нему не относиться (речь шла о крупном математике) никогда не допустит, чтобы его похвалили за результат, который не вполне или совсем не ему принадлежит; ему это не нужно, а Y (другой крупный авторитет) примет такую похвалу без всяких возражений». Про людей (он считал, что в математике их немало), которые пишут априори липовые работы, он говорил так: «Конечно, сколько-то раз можно это не распознать, но очень скоро это станет ясно, и тогда такой человек перестанет существовать в мнениях серьезных людей, а среди тех, кто делает административную карьеру, такое поведение пороком не считается.

В его мнениях и оценках о научных работах и о людях, — одно из первых мест занимал профессионализм и мастерство. Они ценились им не меньше, чем талант. Это чувствовалось в разговорах о математиках и не только о них. Помню, как он обрадовался подтверждению своей теории, что профессионализм решает все, когда я рассказал ему о популярном объяснении, почему у нас в

стране тогда был (и есть) слабый футбол и сильный хоккей: потому что в те годы футболисты были обязаны еще где-нибудь учиться или работать, а хоккеистам разрешалось быть спортсменами-профессионалами, несмотря на запреты тогдашнего олимпийского движения.

Требование высокого профессионализма он предъявлял к себе и к своим работам, к работам своих учеников. Судите по его статьям и многочисленным обзорам, написанным им. Дотошно и скрупулезно оттачивалась формулировка каждой теоремы, их последовательность, особое внимание уделялось отбору ссылок, и т.д. Тут же стоит сказать, что он ненавидел языковые или понятийные штампы, его речь (как и письмо) была неторопливой и тщательно рассчитанной, он следил за ней и, даже несколько рисовался своей манерой говорить. Он никогда не употреблял проходных, жаргонных или модных словечек и выражений, его речь, несколько суховатая, была, тем не менее, выразительной, и очень целенаправленной. Именно поэтому он сравнительно медленно писал, выбирая необходимые выражения. В чем-то его ригоризм казался чрезмерным: «Я не могу видеть, когда пишут: "Иванов А. А.", должно быть: "А. А. Иванов", — нервничал он, глядя на редакторские исправления своей работы. Или "Вот вы перепечатали мой отзыв не так, как печатаю я, а люди знают мою манеру», и т.д.

В. А. любил рассказывать о московских профессорах времен его студенчества. Помнятся рассказы о А. И. Плеснере, его первом учителе, человеку сейчас не слишком известном, но сыгравшем значительную роль в модернизации московской математической школы в 30-х гг. Именно А. И. Плеснер, иммигрировав в Москву из Европы в начале тридцатых годов, завез и пропагандировал в Москве массу новых вещей — функциональный анализ, алгебраическую геометрию, эргодическую теорию, алгебры операторов и др. Он был одним из инициаторов издания «Успехов Математических наук» и входил в первую редакцию. Его лекции слушали профессора мехмата. Неудивительно, что В. А., выбрал и его в качестве руководителя и написал с ним знаменитый обзор по спектральной теории операторов, напечатанный, правда, в «Успехах» через много лет после написания. Но, конечно, В. А. формировался в основном под влиянием крупных математиков — А.Н.Колмогорова, П.С.Александрова, Л.С.Понтрягина, отчасти и И.М.Гельфанда. (см. их отзывы о нем в разделе «Документы»).

Как я уже писал, В. А. сыграл роль математического моста между Ленинградом и Москвой. В Ленинграде было несколько более

молодых профессоров, закончивших мех-мат МГУ — О.А.Ладыженская, В. А.Якубович, но В. А. в отличие о них В. А. приехал в Ленинград известным и сложившимся представителем Московской математической школы. О сравнении математической Москвы и Ленинграда он говорил немало и с изрядной критической нотой по адресу Ленинграда. Например, когда вскоре после приезда его выбрали в правление Ленинградского Математического Общества, то деятельность (точнее, бездеятельность) общества подверглась его уничтожающей критике. «Разве можно сравнить с московским обществом; вот взялись бы вы за это.» — говорил он мне. Начиная с 1970 года, я действительно занялся Обществом, изучая московский опыт, приглашая докладчиков из Москвы и привлекая в Общество многих наших молодых математиков. Несомненно, что различие между московским и ленинградским (теперь петербургским) математическими сообществами существует и даже сейчас. Только оно совсем другого рода, чем различие дореволюционных и послереволюционных лет, о котором много писалось. Попытаюсь выразить главное различие кратко: ленинградское сообщество атомарно, и потому более инертно, чем московское, но уровень индивидуального профессионализма в них одинаков.

4. МАТЕМАТИКА

Говорить о математических вкусах В. А. очень трудно, но и интересно. Несколько раз в конце жизни он признавался мне, что ему остро недостает места, где он бы мог поделиться своими мыслями, мнениями, опытом, так или иначе связанными с многолетней работой в математике, рассказать о своих размышлениях. Он имел в виду лекции или беседы с заинтересованной молодежью, словом, трибуну. Видимо, он чувствовал, что его знания и опыт недостаточно востребованы и переданы молодежи, и так оно и было. К сожалению, насколько я знаю, он ничего и не писал об этом, что было бы для него естественно. Почему? Математики не любят писать! Известно сравнительно мало математических дневников и математических эссе. И тут дело не только в том, что склонность к подобному писательству есть тоже нечастый дар, редко свойственный математикам, — в случае В. А. он был, я думаю. Скорее всего, причина в существе дела: свободный устный рассказ перед математиками В. А. любил, и чувствовал себя в такой обстановке уверенно; писать же о математике математикам означает писать собственно математический текст, т.е. излагать предмет полностью со всеми

объяснениями, при этом доступная в лекциях свобода изложения почему-то исчезает при попытках писать.

Я ограничусь лишь самыми общими впечатлениями о его математических пристрастиях, хотя понимаю, что могу быть односторонним. Есть такое выражение «концептуальный математик»; В. А. был таким математиком. Он любил ясные общие концепции, и стремился их создавать. Функториальность, инвариантность были для него паспортом определений, теорий. При этом он в первую очередь ценил новые идеи, а не технику. «Здесь есть новое геометрическое видение предмета?» — спрашивал он докладчика. Он не был по природе алгебраистом, но у него было алгебраическое мышление, и он высоко ценил алгебру и, кстати, ставил ее в центр математического образования. «Алгебраизируйтесь!» — говорил он мне неоднократно. Алгебраическая топология, пришедшая в середине XX века на смену комбинаторной топологии и «analysis situs», была в этом призыве его сильным аргументом. Но его главной любовью была, конечно, геометрия. В самом начале нашего знакомства, узнав о моем интересе к теории представлений, он прочел мне короткую лекцию о том, что геометрия является сутью и самой красивой частью математики. Топология, в том числе и дифференциальная, воспринималась им как геометрическая наука, а алгебраические рассуждения были всего лишь методом изучения. «Я — человек конечномерный, даже четырехмерный!» — говорил он мне в школе в Кацивели, где мы были в 1966 году, и где я рассказывал о мерах в бесконечномерных пространствах. Насколько я понимаю, он был, возможно, одним из самых компетентных в мире четырехмерных топологов. К сожалению, он застал только самое начало замечательного прогресса четырехмерной топологии (Фридман, Дональдсен), когда уже перестал активно заниматься. Последние годы (с 70-го) под влиянием идей В.И. Арнольда он занялся сам и занял почти всю свою топологическую школу вещественной алгебраической геометрии, где он и его ученики достигли блестящих результатов. Классический и функциональный анализы он хорошо понимал, но ставил их ниже геометрии.

Своим работам по теории меры и динамическим системам он отводил второе место после топологии, но все же любил эту тематику и следил за ней, когда перестал ею заниматься. При этом, как ни странно, он никогда не занимался и даже не очень сочувствовал занятиям топологической и гладкой динамикой, считая это «смешением структур», впрочем, и отпетым бурбакистом он не был. Я думаю, что выделяя метрическую динамику (т.е. эргодическую теорию) по сравнению с другими динамиками, он в определенном

смысле был прав, так как она есть самое прямое обобщение комбинаторики; впрочем, в таком контексте я с ним это не обсуждал. Он предлагал мне написать вместе книгу по эргодической теории вместе с изложением нужной для этого теории меры; писать такую книгу был его очень давний план, но подоспевший проект выпусков серии «Современных проблем. (Фундаментальные направления)» подорвал эту идею. Его дипломная работа (1940 г.) по теории меры («Об основных понятиях теории меры»), написанная по инициативе А.Н.Колмогорова, в которой он определил и исследовал «пространства Лебега», существенно усовершенствовал аксиоматику фон Неймана, и дал надежную трактовку условным мерам (каноническая система мер измеримого разбиения), усиленно цитируется до сих пор. Но, разумеется, давно пора изложить эту теорию на более современном уровне, и это до сих пор не сделано. Впрочем, те мучения, которые мы все наблюдали, когда В. А. с Митей Фуksom писал учебник по топологии, были хорошим аргументом против написания с ним других учебных изданий.

5. БЕСЕДЫ И ВСТРЕЧИ

Их было много, особенно летом в Усть-Нарве. Мы одинаково судили о многом, в частности о «советской действительности». Я иногда приносил ему сам- и тамиздат, в Москве это делал покойный Кика Яглом. Политические его концепции, как и математические, были тоже хорошо продуманы и многие, проводимые им параллели мне было внове. Его предсказания были грустны, и особых надежд он не питал. И ведь всего-то 1 – 1,5 года (он умер в декабре 1984) отделяли его от совсем других времен! По поводу политики или математики у нас разногласий почти не было. Лишь один-два случая из огромного количества наших дискуссий, запомнились мне, когда наши разговоры доходили до споров, кончавшихся раздражением спорящих. Один раз это было, когда мы говорили об одном глубоко религиозном человеке. В. А. сказал, что он вообще не понимает ординарной религиозности умного и образованного человека. Из всех возможных возражений я выбрал одно, самое нейтральное, — я заговорил о религиозном вдохновении, рождавшем немало произведений искусства. Например, «Божественная комедия» Данте. Это возражение совершенно не удовлетворило его: «Ну что Вы, это ведь вроде "Теркина на том свете"», — съязвил он. На такой цинизм мне нечем было отвечать, и я расстроился. Это мнение, лишенное всякой эмоциональности, было высказано с вольтеровской решительностью; но правда, такое он высказал в беседе со мной,

человеком близким, — его (полит)корректность в общих разговорах всегда была на высоте. И все-таки, рационализм, вера в разум и в силу науки, как антиподы стадного энтузиазма толпы, верящей в какие-то догмы, были глубоко присущи ему. Правда, по некоторым сведениям, в студенческие годы он и сам был энтузиастом.

Растерянным и подавленным я видел В. А. только один раз в жизни. Мы ехали вдвоем с факультета, где у него произошел, по видимому, решительный разговор с деканом по поводу сына Володи, которого определенно решили исключить из университета. Этого В. А. и все мы не ожидали. Он говорил об этой истории как о глупости, и в тот момент у него не было плана того, что надо делать, он был в замешательстве. Я и раньше испытывал неприязнь к нашей администрации, с которой у меня были очень сложные отношения. В случае с Володией не было сомнений, что, во-первых, исключение это заказ с самого верха, и, во-вторых, это делалось многими не без удовольствия. Особость, автономность В. А. вызывала настороженное отношение к нему; многие, особенно, в администрации, побаивались и недолюбливали его. При этом его неординарная биография с сопутствующими ей легендами и слухами была достаточно известна. Мы все догадывались о пристальном внимании известных организаций к нему и к его окружению. Но здесь специальный случай. Один мой знакомый заметил как-то по сходному поводу, что у всех без исключения людей есть особенно незащищенная сторона - их дети, и удар по ним особенно болезнен. Многим приходилось бывать в подобных ситуациях. Использовать такие удары, как средство давления на человека, — особенно отвратительно. В. А. очень любил сына, следил за его успехами и имел планы сделать его математиком. Он перепрыгнул через класс и поступил на мат-мех без «обычных» проблем. Когда Володя был на втором курсе, В. А. предложил мне вести с ним кружок для успешных студентов по эргодической теории. И вот все оборвалось.

К счастью Ю.В.Линник попросил своего бывшего студента Й.Кубилюса, тогдашнего ректора Вильнюсского университета, принять Володю на математический факультет, что и было сделано. После успешного окончания Вильнюсского университета Володя вернулся в Ленинград, но занятия теоретической математикой он вскоре прекратил; а В. А. как-то сказал мне, что свои математические планы в отношении Володи он оставил. Вскоре Володя эмигрировал. Позже, уже в США он стал известным и успешным специалистом в Computer Science.

Положение В. А. на факультете менялось с изменением общей обстановки в стране и в нашем университете. Он приехал в Ленинград в относительно либеральное время (начало 60-х гг.). Вскоре поругавшись с партийными боссами, ушел из ректоров А.Д.Александров и уехал в Новосибирск. Пришло поколение брежневского застоя. Я помню, как Волков — ничтожный мелкий администратор, зам декана, а потом помощник проректора, нагло отчитывал В. А. за «непонятные лекции», и это тема долго обсуждалась на партбюро при переизбрании В. А. на должность профессора. Мне Волков сказал, что, не приехав на какой-то суббота, я тем самым срываю (!) строительство петергофского университетского комплекса, а позже в ректорате, как мне потом передавали, назвал меня политическим врагом; впрочем, тут он, кажется, в своем доносе был прав.

Я не сомневаюсь, что все эти истории стоили В. А. массу здоровья. Как-то, уже после инфаркта (1974), он сказал мне: «Ну что Вы хотите, за столько времени — в основном отрицательные эмоции». При этом начало шестидесятых годов, т.е. первое время после приезда в Ленинград, он рассматривал как самое счастливое и безмятежное во всей жизни. Выше я писал, как быстро отпустили В. А. на пенсию в 61 год, несмотря на наши попытки образумить этих ректоратских чиновников. Сам В. А. отнесся к этому спокойно. А после этого тот же Алесковский (ректор) и его клир не позволили вернувшемуся в Ленинград А.Д. Александрову стать заведующим пустующей кафедры геометрии, которую он когда-то и организовал...

Практические советы В. А. иногда были полезными. Когда в пединституте в Коломне, где он работал, разразился скандал по поводу обсуждения «оттепельного» рассказа Яшина «Рычаги», и В. А., который участвовал в этом обсуждении, стали обвинять во всех грехах, он обратился прямо в горком (а не к институтским чиновникам). «Обращаться надо к тем чиновникам, которые реально решают вопрос, а не к зависимым от них мелким сошкам» — советовал он мне. Я так и поступил, написав непосредственно упомянутому выше ректору о том, что в течение восьми лет после защиты докторской, я не представлен к профессорскому званию. Это подействовало, хотя, насколько я знаю, позже тот же ректор ругал тех, кто меня представил. Это было в начале 1983 г. Впрочем, С.П.Новиков считает, что смерть Брежнева и приход Андропова несколько смягчил прессинг в этих вопросах. В. А. неоднократно пытался использовать свое (уменьшающееся) влияние на начальство для того, чтобы оставить в аспирантуре, получить звание и

пр. своим немногочисленным протеже. Например, 1968 году он сражался с деканом за мое доцентство. Но как мы знаем, только 2-3-х его учеников удалось удержать на факультете. Топологическая школа, равной которой не было бы в мире, так и не была создана в ЛГУ.

В конце 60-х годов Рохлины стали ездить летом в Усть-Нарву, где моя семья регулярно отдыхала все годы. Моя жена Рита помогла им снять хорошую дачу у Понаровских (певица Ирина Понаровская — дочь хозяйки); там Рохлины отдыхали включительно до 1974 года, когда у В. А. случился инфаркт, и потом еще 2 или 3 раза через несколько лет. На дачу к В. А. приезжали почти все его ученики и, конечно Митя Фукс, с которым они усиленно писали книгу. Наши долгие беседы обо всем на свете во время гуляний по морю, встречи дома остаются в памяти, как снимки далекой эпохи. Одно время В. А. на пляже учил мою дочь юную Аню немецкому языку, удивляясь ее способностям к языкам. Его знание немецкого вошло в поговорку — один коллега из Германии говорил, что В. А. знает немецкий язык лучше почти всех его знакомых немцев, а, что лучше его знает только П.С.Александров.

Я не могу закончить эти заметки, не посвятив несколько слов Анне Александровне Гуревич-Рохлиной — жене В. А. Анна Александровна была до и во время войны аспиранткой Л.С.Понтрягина и выполнила под его руководством работу по теории представлений, которая цитировалась во многих учебниках. Она была долгое время дружна с Л. С. и его матерью. Позже в конце сороковых гг. эта дружба расстроилась. Замечу, что и В. А., который после войны был фактически секретарем Л. С., и А. А. часто, вспоминая и обсуждая Л. С., никогда не забывали сказать, каким он был в прежние годы, и огорчались, услышав о некоторых его действиях и заявлениях в последние годы. В. А. рассказывал, что когда он узнал о разрыве между старыми друзьями В. А.Ефремовичем, которого Л. С. вытаскивал из лагеря, и Л. С., он написал им о том, что «им уже поздно ссориться». Но, кажется, это не подействовало. А. А. была постоянной и незаменимой помощницей В. А. во всех его делах. Дом держался на ней, хотя она работала (доцентом в инженерно-экономическом институте) до самой пенсии. Исключительно тактичная, проникательная, женщина, без тени снобизма, она с присущей ей добротой смягчала иногда жесткие оценки В. А. людей и событий, и всегда была на страже его интересов. Все друзья и ученики В. А. были ее друзьями, и о них она подчас знала больше чем он сам. Она пережила В. А. почти на десять лет, а через три недели после ее смерти (1993), умерла их дочь Лиза Рохлина.

Я общался с В. А. долгие годы и узнал его с разных сторон. Часто я не соглашался с его оценками и спорил с ним. Но ощущение незаурядной личности и сильной индивидуальности никогда не покидало меня во время общения с ним.

Математика была главным делом его жизни, ей он отдавал всего себя и в ней достиг многого. Его целеустремленность, основательность подхода и к науке, и к жизни; острый, независимый, критический ум, не знающий запрещенных тем, выделяли его из многих. Его драматическая предвоенная, военная, да и послевоенная судьба были фоном всей его научной жизни и, вне сомнения, преодолеть трудности можно было, лишь концентрируя в кулак всю свою волю.

В. А. затратил на это огромные силы, пройдя все испытания и не поддавшись слабостям. Я постараюсь рассказать подробнее о наших разговорах в другой книге.